

СУДЬБА ФРАНЦУЗСКИХ СОЛДАТ В РОССИИ ПОСЛЕ 1812 ГОДА

В. Г. Сироткин

В обширной историографии Отечественной войны 1812 г. практически осталась в тени судьба застрявших в России после разгрома «великой армии» Наполеона французских солдат. Историки скрупулезно исследовали, сколько солдат «двунадесяти языков» повел Бонапарт на Москву и сколько из них ушло назад через Березину¹. А куда же девались остальные? Считают, что все они погибли, нередко ссылаясь при этом на рапорт М. И. Кутузова из Вильно 10 декабря 1812 г.: «Война окончилась за полным истреблением неприятеля»². Исследователей не смущал тот факт, что таким образом физически была уничтожена гигантская по тем временам армия в 634 тыс. чел., хотя потери всех государств Европы за 1805—1815 гг. в совокупности составляли 755 тыс. убитыми³. Значит, под Аустерлицем, при Трафальгаре, Фридрихсфельде, Кульме, Лейпциге, Ватерлоо и в других битвах погибла в целом всего 121 тысяча человек? Очевидно, невиданный в истории разгром наполеоновской армии в 1812 г. не был все же адекватен уничтожению всего ее личного состава.

И действительно, погибли далеко не все. В осенне-зимнее паническое отступление 1812 г. многие деморализованные или полузамерзшие солдаты и офицеры, не попавшие в плен к русской регулярной армии, ополчению и партизанам, разбрелись по окрестным деревням и помещичьим усадьбам. Крестьяне, вчера еще встречавшие захватчиков с оружием в руках, со свойственным русскому народу великодушием к побежденному давали этим несчастным пищу и кров. Именно тогда в русских деревнях родились два новых слова: «выморозки» и «шерамыжники» (последнее — от франц. *cher ami*, то есть милый друг; так солдаты обращались к крестьянам за помощью). Не зная русского языка, но получив временный приют и еду, солдаты стремились выйти к помещичьим усадьбам, осесть там, дожидаться весны, а затем как-нибудь добраться до родины и семьи. Война для них кончилась. Провинциальное русское дворянство охотно принимало «шерамыжников». Со времен Екатерины II французский язык и культура стали как бы нормой в русском дворянском обществе. Но не всякий мелкопоместный дворянин мог отправить на свои доходы сына, не говоря уже о дочери, в губернский город, а тем более в Москву или Петербург. В провинции преобладало традиционное домашнее воспитание. Богатые помещики «выписывали» гувернеров и гувернанток из Франции. Для «мелкоты» такая роскошь была не по карману. Они искали гувернера подешевле. А тут в дворы мелкопоместной знати западных губерний буквально ломятся «гувернеры», готовые за кров и пищу учить кого угодно и чему угодно! Сын известного русского дворянского экономиста К. Арнольда вспоминал позднее: «Редкий был тогда дом, в котором не встречалось бы пленного француз-

¹ Л. Г. Бескровный. Отечественная война 1812 года. М. 1962, стр. 259; П. А. Жилин. Гибель наполеоновской армии в России. М. 1968, стр. 266. Составители сборника «Листовки Отечественной войны 1812 г.» (М. 1962, стр. 10) считают, что «за Неман ушло около 60 тыс.», а французский историк А. Рамбо — 72 тыс. («История XIX в.». Т. 2. М. 1938, стр. 281).

² См. «Материалы юбилейной сессии военных академий Красной Армии, посвященной 200-летию со дня рождения М. И. Кутузова». М. 1947, стр. 20; ср. «Листовки Отечественной войны 1812 г.», стр. 10: «Число убитых, раненых и пленных составило 580 тыс. чел.». У А. Рамбо (указ. соч., стр. 281) одних убитых — 250 тыс., а у Е. В. Тарле (Соч. Т. VII. М. 1959, стр. 308) — «приблизительно 500 тыс.».

³ Б. Ц. Урланис. Войны и народонаселение Европы. М. 1960, стр. 75.

за: иметь у себя «своего» француза — это установилось тогда само собой для каждого «порядочного дома». И у нас, следовательно, оказался «свой» француз...»⁴.

Конечно, учительский уровень этих доморожденных «гувернеров» оставлял желать много лучшего. Тот же Ю. К. Арнольд оставил нам колоритный портрет «своего» француза: красивый брюнет лет 40 «с огромными усами», ростом с «коломенскую версту», в полном соответствии со своей фамилией Грожан («Большой Жан») и с типичной биографией наполеоновского солдата. Начал рядовым в 1792 г. в армии генерала Дюмурье, участвовал в битве при Маренго, в египетском походе Бонапарта, в молниеносной прусской кампании 1806 года. Потом попал в гвардию как барабанщик. Для 6-летнего сына дворянского экономиста такой «дядька» был настоящей находкой: с утра и до вечера он рассказывал ученику бесчисленные военные истории, пересыпая их, к ужасу мамыши, солеными солдатскими словечками, пел песенки фривольного содержания и т. д. Что касается французского языка, то оказалось, что с его литературным вариантом тамбурист не очень-то знаком. Зато мальчик поразительно быстро усвоил тот солдатский жаргон, на котором говорило большинство «великой армии». Кроме того, brave grenadier обучил дворянского сыночка великолепно выбивать «дробь», «раскаты» и «слушайте все!» на игрушечном барабане.

Сколько таких «гувернеров» осталось в России, никто точно сказать не мог. Судя по отзывам современников, их было очень много. Один из авторов того времени писал: «Просветителями этой эпохи сделались бессмысленные остатки от разбитой наполеоновской армии, когда пленных французов разбирали нарасхват и вверяли им своих детей. Кухарки, прачки, сапожники и портные начали просвещать русских в разводимых ими пансионах... Эта несчастная эпоха продолжалась недолго, до 1820 г., но она оставила гибельные последствия на целое столетие»⁵.

Русское правительство не могло не считаться с тем, что в тылу остались тысячи бывших «сапожников» и «портных», ранее свергавших Людовика XVI, — республиканских солдат, сражавшихся против антифранцузских коалиций 1792—1799 годов⁶. Выгнать их всех из страны, как предлагал Ф. В. Ростопчин? Но куда? В Европе идет война. Обменять на русских военнопленных у Наполеона? Но у него их немного. И не значит ли тем самым усилить армию Наполеона за счет опытных солдат? Напомним, что русская военная контрпропаганда походной типографии при Главной квартире с июля 1812 г. неоднократно предлагала солдатам многонациональной «великой армии» сдаваться, найдя «на время убежище в наших южных провинциях»⁷. Так как же, дать убежище или выгнать? Посчитали, что при всех обстоятельствах лучше пока держать этих пленных в России. Ведь еще предстоял поход через всю Европу к Парижу. Была, правда, сделана в конце 1812 г. попытка сформировать в Орле из французов и итальянцев-добровольцев антинаполеоновский легион в 10 тыс. чел. (подобно испанскому и русско-немецкому легионам). Но массовой записи в этот легион не последовало⁸.

Постепенно вопрос о пленных вырастал в серьезную проблему. Те из них, которые этапным порядком были отправлены в глубинные районы России (преимущественно в Ярославскую, Костромскую, Вологодскую, Пермскую и Вятскую губернии), обычно приписывались к казенным заводам и мануфактурам. И хотя министр полиции

⁴ Ю. К. Арнольд. Воспоминания. «Русский архив», 1891, № 7, стр. 328. Был «свой» француз и в семье М. Ю. Лермонтова: офицер наполеоновской гвардии Капе. Раненым он попал в плен, его выходили русские врачи, а затем он остался в России, где обрел вторую родину. Капе оказал большое влияние на Лермонтова-мальчика, попытавшись привить ему, в частности, культ Наполеона (см. «М. Ю. Лермонтов. Его жизнь и сочинения». М. 1905, стр. 8).

⁵ «Русский архив», 1873, № 6, стр. 904.

⁶ Эти опасения отчетливо прослеживаются по переписке министра полиции С. К. Вязмитнинова с витебским генерал-губернатором и Александром I в 1813 году. Результатом явилось введение «особой цензуры» на письма французских военнопленных из России (см. «Русская старина», 1890, № 12; «Отечественная война и русское общество». Т. V. М. 1911, стр. 129).

⁷ Ц. Ложье. Дневник офицера великой армии. М. 1912, стр. 38; ср. «Листовки Отечественной войны...», док. 4, 9, 22, 31; «Внешняя политика России XIX — начала XX вв.» (далее — ВПР). Т. VI. М. 1962, док. 297.

⁸ «М. И. Кутузов». Сборник документов. Т. IV, ч. 2, стр. 560; Л. Г. Бескровный. Указ. соч., стр. 502—503.

С. К. Вязьмитинов, в ведении которого с 1812 г. находились пленные, специально предписывал гражданским губернаторам постоянно иметь в виду, что это «вольные люди, а не наши посессионные крепостные», местная администрация не всегда считалась с этими указаниями. В советской литературе Е. И. Дружинина первой обратила внимание на волнения значительной группы иностранных колонистов в Южной России⁹. Схожие по характеру выступления имели место и среди пленных в 1812—1814 годах. Самое крупное из них произошло в 1813 г. на казенных Гороблагодатских железоделательных заводах (на Урале), где все пленные отказались от работы из-за тяжелых условий труда и притеснений со стороны администрации¹⁰. Соответствующая переписка министерства полиции, а также министерства финансов, в ведении которого находились уральские казенные заводы, с их администрацией очень интересна и для выяснения социального состава «великой армии» Наполеона. Оказываются, управляющие заводов отказывались брать «абы кого» из пленных, а соглашались только на мастеровых (кузнецов, слесарей, плотников и т. д.). Характерна переписка дирекции Воткинского завода с вятским гражданским губернатором от февраля 1813 года. В ней сохранился список профессионального состава пленных. Выяснилось, что в «спорной» партии из 33 чел. — близких Воткинскому заводу по профессии мастеровых оказалось 7 (по одному кузнецу, слесарю, плотнику, маляру и 3 каменщика). Остальные: 8 ткачей, 3 шляпника, 3 сапожника, гребенщик, мельник, типографский наборщик, садовник, слуги и пр.¹¹. Примерно такой же состав пленных оказался и на других заводах¹².

Но сколь бы малым ни было среди пленных число фабрично-заводских рабочих, именно оно подсказало решение. Инициатором выступил министр внутренних дел О. П. Козодавлев, довольно колоритная фигура конца XVIII — начала XIX в., ярый поборник (через газету своего министерства «Северная почта», 1809—1819 гг.) протекционизма и развития фабрично-заводской промышленности в России¹³. Он ратовал за широкое привлечение в Россию иностранных специалистов, особенно «суконных дел мастеров» для русской текстильной промышленности, поскольку еще в 1810 г. был назначен Александром I председателем Мануфактурного совета¹⁴. Вопрос об иностранной колонизации провинциальной России, особенно при Екатерине II и Александре I, мало изучен. Лишь сравнительно недавно Е. И. Дружинина обстоятельно исследовала роль (наряду с украинским и русским населением) болгар, греков, немцев, швейцарцев и пр. в экономическом освоении огромных районов Новороссии¹⁵. Эта иностранная колонизация, не очень-то сильная, носила преимущественно аграрный характер. Даже небезызвестный дук Ришелье, многое сделавший для торгово-экономического развития Одессы, не мыслил иного занятия для французских эмигрантов-роялистов, кроме как превращения их в колонистов-земледельцев¹⁶. О. П. Козодавлев понимал, что рассчитывать на серьезную помощь этих дворян-роялистов в сфере промышленного развития России не приходится. Многие из них предлагали себя в «руководители» русской экономики, однако никто — в рабочие у ткацкого станка или плавильной печи¹⁷. Но вот появилось много пленных из «великой армии». И министр внутренних

⁹ Е. И. Дружинина. Волнения колонистов Новороссии и Южной Бессарабии. «Проблемы истории общественного движения и историографии». Сборник статей к 70-летию акад. М. В. Нечкиной. М. 1971, стр. 102—109.

¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 16, д. 241, лл. 10—11: рапорт пермского гражданского губернатора от 14(26) августа 1813 г. в министерство полиции. Судя по материалам «особой канцелярии» министерства полиции, волнения французских военнопленных на Воткинском заводе были не единичным явлением. К сожалению, этот важный момент не отражен в известном сборнике документов «Рабочее движение в России в XIX в.». Т. I. М. 1955.

¹¹ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 1, д. 241, л. 3.

¹² Там же, лл. 3 об.—4.

¹³ А. В. Предтеченский. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.—Л. 1957, стр. 295—322.

¹⁴ Там же, стр. 306—307.

¹⁵ Е. И. Дружинина. Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. М. 1959; е е же. Южная Украина в 1800—1825 гг. М. 1970.

¹⁶ Е. И. Дружинина. Южная Украина в 1800—1825 гг., стр. 192.

¹⁷ См. подробнее: В. Г. Сироткин. Возобновление франко-русского торгового трактата 1787 г. в 1802 г. «Франко-русские экономические связи», М.—Париж. 1970, стр. 189—233.

дел выступил с предложением не выписывать мастеровых из-за границы, а принять в русское подданство ремесленников — бывших французских солдат¹⁸. Так родился этот проект — самая крупная за всю историю России попытка единовременного массового принятия иностранцев не на чиновничью службу, а в промышленно-ремесленное производство, сферу обслуживания и сельское хозяйство.

4(16) июля 1813 г. С. К. Вязьмитинов рассылает циркуляр «О желающих приехать на подданство России». В записку Козодавлева он внес сдерживающие ноты: допускать к присяге на верность царю, но «с наблюдением, однако же, осторожностей, дабы сим случаем не могли воспользоваться иногда люди, вредные или подозрительные»¹⁹. Особое внимание губернаторы обязаны были обратить на мастеровых, а «буде обнаружены такие в каком-либо роде мануфактуры или знания в горном или рудокопном деле», рекомендовать этим новообращенным подданным царя ехать туда, «где наши казенные и партикулярные фабрики и заводы находятся с тем, не пожелают ли они обратиться по доброй своей воле на оные и тем упражнением устроить себе состояние»²⁰. Вскоре выяснилось, что желающих принять русское подданство много. Затем Вязьмитинов стал получать жалобы от бывших солдат «великой армии»: приняв их в подданство России, местные власти чинят всяческие помехи, не пускают ремесленников-французов в города, насильно отправляют в деревни и т. д.²¹. Всплыли случаи, когда в деревнях простых солдат записывали в крепостные²². Тогда О. П. Козодавлев подготовил и в ноябре 1813 г. внес на утверждение в Комитет министров «Правила, коими руководствоваться, принимая военнопленных в подданство России». Этот любопытный документ важен как попытка приспособить производственные отношения крепостнической России к возможностям развития капитализма в промышленности²³.

«Правила» 1813 г. вобрали в себя основные положения циркуляров Вязьмитинова о порядке приема в русское подданство, но дополняли их уточнениями. По-прежнему письменную присягу «на временное или вечное подданство России» мог принести любой солдат или офицер армии Наполеона и жить затем «вольным человеком» в любом месте Российской империи, исключая Польшу, Прибалтику, Финляндию, Бессарабию, Белостокскую и Тарнопольскую губернии, а также Петербург и Москву. В двухмесячный срок новообращенные подданные обязаны были избрать род занятий и состояние (дворяне, мещане, крестьяне); в противном случае с ними будут обращаться, как с бродягами. Несколько пунктов было уделено мастеровым, которым даровался ряд льгот: их записывали в мещане (во французском тексте «Правил» — «в класс буржуа»), освобождали с момента принятия присяги на 10 лет от всех податей «для обзаведения домом и хозяйством», от рекрутской повинности и гарантировали свободу вероисповедания. Пункт 4 вводил для них неведомое русским помещичьим и вольным рабочим правило контракта: в случае добровольного согласия работать на казенной или партикулярной фабрике, заводе, шахте и т. д. мастеровой в индивидуальном порядке заключал с дирекцией или хозяином договор об условиях работы. Контракт составлялся в трех экземплярах на двух языках (русском и французском либо немецком: два самых распространенных тогда в России иностранных языка)

¹⁸ ЦГИА СССР, ф. 1409, оп. 1, д. 1289, л. 21; см. также ВПР. Т. VII. М. 1970, стр. 303 (указ Александра I на основе записки Козодавлева).

¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 1409, оп. 1, д. 1289, л. 15.

²⁰ Там же, л. 18 (циркуляр С. К. Вязьмитинова от 19(31) августа 1813 г.).

²¹ Там же, л. 28 (циркуляр Вязьмитинова от 27 ноября/9 декабря 1813 г. с напоминанием губернаторам, что «прием в подданство надлежит учинять токмо добровольно, равно как и выбор местожительства»).

²² Характерный пример выявился через 11 лет. 6 бывших пленных из «великой армии», в 1813 г. отпущенные просто по домам, как практиковалось в 1813—1814 гг. в целях антинаполеоновской контрпропаганды (см. Л. Г. Бескровный. Указ. соч., стр. 603), нанялись на временную работу в имение графа Б. Комаровского в Белоруссии. Тот продержал их у себя три года, а в 1816 г. записал при очередной ревизии в свои крепостные. Лишь в мае 1824 г. этим «крепостным» удалось получить паспорта на выезд (ЦГИА СССР, ф. 1409, оп. 1, д. 1289, лл. 1, 28, 50 об.).

²³ Еще в январе 1811 г. О. П. Козодавлев предложил Государственному совету аналогичное по духу «Положение об учреждении особого состояния свободных (русских) мастеров», но тогда помещичье-крепостническое большинство совета заблокировало этот проект (М. Туган-Барановский. Русская фабрика. М.-Л. 1934, стр. 132).

под обязательным патронажем (присутствие чиновника) местных властей. Это неизвестно тогда не только в России, но и во Франции²⁴ и даже в промышленной Англии²⁵ правило найма рабочих по трудовому договору распространялось лишь на солдат-мастеровых²⁶. Портные, сапожники, садовники и т. д. также записывались мещанами, но без 10-летней налоговой льготы и хотя с правом организации «своего дела» (мастерская, ателье) или «вольного найма», но без трудового контракта и посредничества местных властей²⁷. Раньше всех были приняты в вольные мастеровые те самые французы-бунтовщики и их собратья, которые оказались на Воткинском заводе²⁸. Затем началось массовое приведение к присяге других, причем в первую очередь шли ремесленники.

Однако «медовый месяц» программы О. П. Козодавлева продолжался недолго. Александр I, придававший в 1812—1814 гг. огромное значение пропагандистско-идеологическим приемам в борьбе с Наполеоном, использовал «Правила» в тех же целях, в частности в борьбе против наполеоновской дезинформации, что будто бы «русские вообще в плен не берут», а тех, кого все же взяли, — «лишь для того, чтобы подвергать мучениям в лагерях»²⁹. Не случайно публикация правил на французском языке в офицозе «Беспристрастный консерватор» была приурочена к переходу Рейна и войне на территории Франции. После разгрома империи Наполеона в 1814 г. дальнейшая судьба большинства солдат и офицеров «великой армии» зависела уже от «большой политики»: Александру I важно было сохранить тогда Францию как образец практического воплощения идеи компромисса между «старым» и «новым» порядками на базе конституционной монархии английского типа.

Между тем после 1814 г. и тяжелых наполеоновских войн французская буржуазия весьма нуждалась в тысячах грамотных и квалифицированных солдат-мастеровых, застрявших в далеких просторах России³⁰. Свою программу в отношении Франции Александр I изложил перед сенатом Франции 2 апреля 1814 г.: «Один человек, говоривший, что он мой союзник, вторгся в мои пределы как вероломный агрессор. Это с ним я вел войну, а не с Францией. Я — друг французского народа... И, чтобы доказать этот длительный союз с вашей нацией, я возвращаю ей всех французских пленных, находящихся в России, о чем меня уже просило ваше временное правительство»³¹. Государственная машина России заработала в обратную сторону. Но остановить прием было теперь не менее трудно, чем ранее его наладить, хотя губернаторы уже извещались о новом решении Комитета министров: «Пленным французам, объявившим желание вступить в подданство России после повеления императора об отправлении их в отечество, отказать и к присяге на подданство не допускать»³². Вурбоны также придавали репатриации остатков «великой армии» большое значение. Помимо экономических целей, они преследовали и определенную политическую задачу: в условиях непрочной реставрации 1814—1815 гг. (что наглядно

²⁴ Е. В. Тарле. Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства. Соч. Т. VI. М. 1959, стр. 35—36.

²⁵ Е. Б. Черняк. Массовое движение в Англии и Ирландии в конце XVIII — начале XIX в. М. 1962, стр. 36—46.

²⁶ Самая идея контракта не была для России новой в 1813 году. Еще в указе 1804 г. о правилах поселения иностранных колонистов на помещичьих землях, многие из положений которого (личная свобода, освобождение от податей на 10 лет и от рекрутской повинности, свобода культа и пр.) были распространены в «Правилах» на солдат «великой армии», имелся специальный пункт об обязательной контрактации — договоре колонистов с помещиками (условия аренды земли, порядок, сроки, размеры выплат и т. д.). Арбитром в спорах иностранных колонистов с помещиками выступали местные власти, у которых хранился один экземпляр контракта (Полное собрание законов Российской империи. Т. 28, № 21254).

²⁷ «Правила» были опубликованы в «Санкт-Петербургских сенатских ведомостях» 17(29) января 1814 г., выходявших в 1809—1826 гг. на русском и немецком языках (немецкий перевод «Правил»: «St. Petersburgische Senats-Zeitung», 29.I.1814. Французский перевод — в офицозе МИД России, газете «Беспристрастный консерватор» («Le Conservateur Impartial», № 7, 23 janvier — 4 février 1814, pp. 35—36).

²⁸ ЦГАИ СССР, ф. 37, оп. 16, д. 241, лл. 1—12.

²⁹ Л. Г. Бескровный. Указ соч., стр. 603.

³⁰ См. Ф. В. Потемкин. Промышленная революция во Франции. Т. I. М. 1971.

³¹ «Le Moniteur Universel», 3.IV.1814; см. также: ВПР. Т. VII, стр. 629.

³² ЦГАИ СССР, ф. 1409, оп. 1, д. 1289, л. 30 об.

подтвердили «Сто дней» Наполеона) они надеялись, что брошенные осенью и зимой 1812 г. на произвол судьбы солдаты и офицеры не будут испытывать особых симпатий к бонапартистам³³. Уже в мае 1814 г. (еще до официального установления дипломатических отношений России с новой Францией) в Петербурге появился барон Морен, «королевский комиссар по ускорению отправки во Францию военнопленных, находящихся в Российской империи». Однако «ускорить» было трудно, ибо значительная часть пленных уже приняла русское подданство. Другие же, как сообщали губернаторы, домогались его. К тому же ни Морен, ни Вязьмитинов толком не знали, сколько разбежавшихся в 1812 г. солдат «великой армии» осталось в России.

Поскольку в газетах Англии и Германии стали появляться статьи, что Россия намеренно скрывает число пленных, официоз российского МИД опубликовал данные о таковых, находившихся на июль 1814 г. в лагерях России, Англии, Австрии и Пруссии: 160 тыс. чел. (сделав оговорку, что цифра выведена «из объявлений о сем самих правительствах»³⁴). Не найдя другого выхода сообщить затерявшимся в русских просторах солдатам о репатриации, Морен через Вязьмитинова обратился в Комитет министров с просьбой напечатать в «Санкт-Петербургских ведомостях» объявление на французском языке, что и было сделано³⁵. На объявление откликнулась обильная часть не принявших еще русского подданства кадровых солдат и офицеров, потерявших связь с гражданской жизнью и сделавших военное дело своей профессией (в их числе — тамбурист Грожан, «дядька» маленького Арнольда)³⁶. Посол Бурбонов в России граф Ноайль доносил своему дяде министру Талейрану в Париж, что под наблюдением Морена очередная партия военнопленных в 900 чел. погрузилась в Риге на 3 французских корабля, доставивших из Гавра раненых русских солдат, и отплыла во Францию³⁷. Но многие мобилизованные в армию Наполеона накануне 1812 г. и особенно в 1813—1814 гг. крестьяне, ремесленники, «люди в услужении» и пр., которым за краткостью пребывания в вооруженных силах Франции пенсия не была положена, вовсе не рвались обратно, прежде всего те, кто не имел жен и детей. Традиции французской городской и сельской семьи, где связи родителей и детей по достижении ими совершеннолетия, в отличие от многочисленной русской крестьянской семьи, были довольно слабыми, тоже вели к уклонению солдат от репатриации. Любопытные данные на этот счет приводятся в очередном циркуляре Вязьмитинова от 5 (17) августа 1814 г.: гражданский губернатор Новгорода сообщил, что «из проходящих через Новгородскую губернию партий военнопленных, возвращающихся в свое отечество, некоторые объявляют желание, а другие отстают от партии для того единственно, чтобы присягнуть на верность подданства России»³⁸.

А что делать с уже принявшими русское подданство? Обещая в апреле 1814 г. «вернуть Франции ее сыновей», царь еще не представлял себе весь размах вступления бывших солдат разноплеменной армии Наполеона в русское подданство. Вернувшись в августе 1814 г. в Россию, Александр I оказался в трудном положении: декларированное им с 1804 г. поклонение «законам» и «порядку» в противовес нравам «узурпатора Наполеона» не позволяло просто отменить «Правила» от 4 (16) ноября 1813 г. о приеме военнопленных в русское подданство. Но и лишить Францию «ее сыновей» означало ослабить свои позиции в центре европейской политики. Царь попытался найти компромисс. 17(29) августа 1814 г. был издан указ: «Объявить волю мою кому следует, чтобы взятым в течение минувшей войны пленным всех

³³ Любопытно, что этот же антибонапартизм собирался использовать давний соперник Наполеона генерал Моро. Летом 1813 г. он писал царю: «Я насколько не сомневаюсь, что Наполеон столь же бежал (в 1812 г.— В. С.) от своих рассерженных солдат, сколь и от копий ваших казаков. Французские пленные в России должны быть сильно раздражены постигшей их судьбой и гореть желанием мести. Если бы значительное число этих несчастных согласилось высадиться под моим начальством на берег Франции, я уверен, что от меня не ускользнул бы Бонапарт» («Русская старина», 1913, № 10, стр. 45). Однако план Моро не был одобрен Александром I.

³⁴ «Le Conservateur Impartial», № 61, 31 juillet — 12 août 1814, p. 354.

³⁵ ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, д. 61, лл. 56—57.

³⁶ Первая партия репатриантов отплыла во Францию в сентябре 1814 г. («Сборник Русского исторического общества». Т. 112. 1901, стр. 82).

³⁷ Там же, стр. 105—106.

³⁸ ЦГИА СССР, ф. 1409, оп. 1, д. 1289, л. 30.

наций, присягнувшим на подданство России, из коих некоторые записаны уже и по избранию рода жизни, дана была полная свобода возвратиться, буде пожелают, в их отечества»³⁹. Указ оставлял немало лазеек для желающих остаться в России. Во-первых, он не отменял «Правила» от 1813 года. Во-вторых, в период «Ста дней» репатриация даже пожелавших вернуться была приостановлена, и на сборных пунктах в Риге, Ревеле, Петербурге, Одессе и других городах солдатам Наполеона вновь предлагали вступить в русское подданство. Вот типичный пример: Жан Арьес из Льежа, взятый в плен в ноябре 1812 г., принял присягу на «временное подданство» России в 1813 г., поселился в Нижнем Новгороде, в 1814 г. выразил желание репатрироваться, но во время «Ста дней» отказался от репатриации и вступил 20 мая 1815 г. «вечное подданство России». Судя по тому, что Бурбоны в 1815—1818 гг. продолжали публиковать угрожающие приказы и ордонансы⁴⁰, число оставшихся в разных странах французских солдат было значительным: вряд ли Людовик XVIII стал бы ломать копыя из-за нескольких сот человек.

Между тем прием в русское подданство так и не был закрыт. Интересное на этот счет дело слушалось в Комитете министров. Три бывших солдата «великой армии» — Венсан, Камбре и Луи, проживавшие с 1812 г. в Ярославле, 27 января 1816 г. обратились с просьбой принять их в русское подданство, приписать к сословию крестьян и «определить на постоянное жительство» на Алтай (входил тогда в Томскую губернию). По предложению министра внутренних дел О. П. Козодавлева их просьба была удовлетворена⁴¹. Козодавлев распорядился выдать каждому ссуду по 350 руб. с рассрочкой на 3 года и освободить от всех налогов и податей на 5 лет «по обыкновенному положению для колонистов-переселенцев»⁴². 27 мая 1817 г. сибирский гражданский губернатор сообщал Козодавлеву, что 3 «помянутых военнопленных француза водворились уже в Вийском уезде, приняли греко-российскую веру и занимаются хлебопашеством...»⁴³.

После восстания 14 декабря 1825 г. судьба оставшихся в России солдат «великой армии» оказалась связанной с репрессиями против декабристов. Ведь следственное «Донесение» по делу о декабристах было основано на идее о «дурных влияниях» заграницы, и прежде всего заграничных походов 1813—1814 годов. Массонский «правопреемник» знаменитого Н. И. Новикова «русский де Мэстр» О. А. Поздеев (1742—1820 гг.), которому Л. Н. Толстой уделил несколько ярких страниц в «Войне и мире», задолго до 14 декабря внушал своей многочисленной сановной масонской пастве (министр просвещения А. К. Разумовский, временный наместник Александра I в герцогстве Варшавском В. С. Ланской и др.), что все это «французолобие» добром не кончится. «А шалуны-то из дворян,— писал он А. К. Разумовскому в 1816 г.,— путешествующие, проматывая чужие деньги в иностранных землях, хвалят, что там хорошо, там законы хороши, и давай новые сочинять. Ныне и в полях, думаю, раскольников весьма размножилось. Сочиняют! Вот Людовику и сочинили гильотину...»⁴⁴. Поздеев познал кое-что на личном опыте: во время восстания Пугачева он чудом избежал справедливого крестьянского отщепенца и боялся отнюдь не только «шалунов»: «Ведь наши мужики не тише могут катать человеческими головами, как и французы в Париже. Внутренняя война везде страшнее и опаснее внешней»⁴⁵.

Идея «шалунов», набравшихся «дурных влияний» на Западе, легла в основу официальной версии Николая I о причинах восстания декабристов. «Донесение» Следственной комиссии широко использовало аргумент «влияния»⁴⁶. Сразу же после ареста и начала следствия над декабристами жандармы немедленно начали искоренять

³⁹ Там же, л. 32; см. также: ВПР. Т. VIII. М. 1972, стр. 92.

⁴⁰ См., например, «Le Conservateur Impartial», № 75, 19/31 septembre 1816, pp. 395—396; «Санкт-Петербургский академический вестник», № 3, 8(20).I.1815.

⁴¹ ЦГИА СССР, ф. 1203, д. 123, лл. 90—91.

⁴² Там же, ф. 1263, д. 124, л. 101.

⁴³ Там же, л. 102 об.

⁴⁴ «Русский архив», 1872, т. II, № 10, стб. 1880—1881; см. также В. Базанов. Ученая республика. М.-Л. 1964, стр. 130—132.

⁴⁵ «Русский архив», 1872, т. II, № 10, стб. 1886.

⁴⁶ М. В. Нечкина. Движение декабристов. Т. I. М. 1955, стр. 8.

«Французскую крамолу». Для них ее носителями прежде всего стали «дядьки», жившие в городах империи (разумеется, не «благонамеренные» эмигранты-роялисты, а ремесленники, сапожники, портные и т. д.). Начались проверки «благонадежности», придирки, полицейские запросы. Следствием стали учащавшиеся просьбы во французское посольство в Петербурге от бывших солдат Наполеона отправить их с семьями во Францию⁴⁷. Вот два типичных прошения. Жан-Батист Оже, родом из департамента Юра, 48 лет, бывший капрал 8-го полка, попал в плен в 1813 г., прошение подано 15 ноября 1826 года⁴⁸. Жозеф Крепшон из Орлеана, взят в плен в 1812 г., находился в лагере для военнопленных в Костроме, там же женился, вступил в русское подданство, жил «в услужении у костромского врача-немца Баулера», в 1829 г. попросился с семьей во Францию. Мотивация — придирки местных властей⁴⁹.

Напуганный революцией 1830 г., Николай I не только стал изгонять французов, но и вообще начал запрещать въезд в Россию (наряду с мастеровыми, инженерами, врачами) даже «традиционным» иммигрантам: гувернерам, садовникам, поварам, слугам⁵⁰. Документы 1826—1836 гг. позволяют частично проследить судьбу последних солдат Наполеона в России, ибо от кустарных методов 1826—1829 гг. шеф III отделения Бенкендорф с лета 1830 г. перешел ко всеобщей негласной переписи проживавших в России французов, особенно вступивших в русское подданство в 1813—1825 гг., а также других иностранцев — как российских, так и заграничных подданных. Дело оказалось трудоемким и затянулось на 7 лет. Лишь к концу 1837 г. III отделение имело более или менее полную картину⁵¹. Больше всего бывших солдат «великой армии» оказалось в Москве и Московской губернии: на 350 тыс. населения — 3 229 иностранцев, из коих значительную часть составляли бывшие пленные из армии Наполеона либо их дети. На 1 марта 1836 г. 710 чел. являлись ремесленниками, рабочими-мастеровыми и фабрикантами, число их превышало количество как купцов и приказчиков (213 чел.), так и гувернеров и слуг (654 чел.)⁵². Сохранились пленные и в других городах России. Так, в сентябре 1836 г. воронежский генерал-губернатор доносил в Петербург, что в Воронеже проживает К. И. Журдан, родившийся во Франции в 1793 г.; подпоручик пехотного полка; взят в плен 28 августа 1813 г.; принял присягу «на вечное подданство России» в Курске 28 апреля 1816 г.; его жена Наталья — «природная россиянка»; к 1836 г. имели четверых детей, а Журдан служил чиновником 8-го класса⁵³. Характерно, что большинство осевших после 1812 г. в России военнопленных было занято не в традиционной сфере обслуживания, а в ремесленно-промышленном производстве или в сфере образования (гувернеры, преподаватели). Когда в самом начале 1840-х годов ограничения на въезд французов в Россию на постоянное жительство временно ослабли, эта новая и не очень массовая иммиграция по составу уже отличалась от связанной с последствиями 1812 г. и носила именно традиционный, «обслуживающий» характер: шляпницы, хористы, приказчики, парикмахеры, кондитеры и т. п.⁵⁴.

Со смертью «последних могижан» из «великой армии» исторически завершился и грандиозный, но сравнительно кратковременный эксперимент Козодавлева. Последующее экономическое развитие Франции, нуждавшейся в собственных квалифицированных кадрах, традиционно слабая промышленная миграция французских рабочих и инженеров, враждебное отношение царизма к Франции (революции 1830 и 1848 гг.!) привели к тому, что план Козодавлева остался лишь уникальным эпизодом в истории франко-русских отношений начала XIX века.

⁴⁷ АВГР, ф. 440 (микрофильм бумаг посольства Франции в Петербурге), л. 32, л. 248.

⁴⁸ Там же, л. 22. Любопытно, что в 1840 г. этот капрал снова вернулся в Россию.

⁴⁹ Там же, л. 29.

⁵⁰ О. В. Орлик. Россия и французская революция 1830 г. М. 1968, стр. 202—203.

⁵¹ ЦГИА СССР, ф. 1286, оп. 6, д. 222, лл. 1—37 («Дело о французах, проживающих в России» — губернаторские рапорты-списки).

⁵² Там же, лл. 7 об.—9.

⁵³ Там же, лл. 25—26.

⁵⁴ См. М. Кадо. Французская эмиграция в России в 40-х гг. XIX в. «Cahiers du monde russe et soviétique», 1963, № 4.